

DOI 10.15407/sociology2020.03.143
УДК 316.362.34

МАКСИМ КАСЯНЧУК,

координатор по мониторингу и оценке, Евразийская коалиция по мужскому здоровью, Таллинн (11317, Таллинн, Эстония, шоссе Пяру, 142)

MAKSYM KASIANCZUK,

monitoring and evaluation coordinator, Eurasian Coalition on Male Health, Tallinn (142, Pärnu manatee, Tallinn, Estonia, 11317)

maxim.kasianczuk@gmail.com

https://orcid.org/0000-0003-0701-3595

СВЯТОСЛАВ ШЕРЕМЕТ,

национальный эксперт по вопросам здоровья МСМ и прав человека для ЛГБТ в Украине, Экспертная группа по вопросам здоровья и прав геев и других МСМ в Украине, Киев (03126, Киев-126, а/я 75)

SVIATOSLAV SHEREMET,

national expert on health of MSM and human rights for LGBT in Ukraine, Expert Group on Health and Rights of Gays and other MSM in Ukraine (P. O. box 75, Kyiv-126, 03126)

sheremet.expert@gmail.com

https://orcid.org/0000-0000-0000-0000

ОЛЕСЯ ТРОФИМЕНКО,

ведущий социолог отдела социальной экспертизы Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

OLESIA TROFYMENKO,

leading sociologist at the Department of Social Expertise, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkoyvchna St., Kyiv, 01021)

olesia.trofymenko@gmail.com

https://orcid.org/0000-0003-1442-2581

Состояние однополых партнерств в Украине

Вступление

Актуальность проблемы. Декриминализация мужского однополого секса, которая произошла в постсоветской Украине в 1991–1992 годах, сделала возможным создание легальных инициативных групп, зарегистрированных объединений граждан и средств массовой информации, чья деятельность направлена на проблематику сообществ лесбиянок, геев, бисексуальных и

Цитирование: Касянчук, М., Шеремет, С., Трофименко, О. (2020). Состояние однополых партнерств в Украине. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 143–166.

трансгендерных людей (далее — ЛГБТ), а также на широкий круг вопросов человеческой сексуальности. Эти группы и организации иницируют и поддерживают тематически широкий перечень социологических исследований ЛГБТ. Принимая во внимание отчасти ограниченные ресурсы, а также отсутствие информации о структуре генеральной совокупности (жители Украины, идентифицирующие себя как ЛГБТ или практикующие однополюе сексуальные контакты), качество получаемой из этих исследований информации может становиться предметом критики. Однако имеющаяся в Украине информация является наиболее богатой и качественной в сопоставлении с другими постсоветскими странами региона Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии [Чихладзе, Касянчук, 2018] и может служить ориентиром при разработке нацеленных на ЛГБТ программ разных уровней.

Общемировая тенденция изменений общественно-политического отношения к ЛГБТ выглядит так: либерализация общественного мнения относительно вариаций сексуальной ориентации и гендерной идентичности (СОГИ), нормализация разных вариантов сексуальной ориентации в медицинском измерении, признание сексуальной ориентации и гендерной идентичности значимыми характеристиками личности, отмена дискриминационных законодательных норм касательно ЛГБТ, общественная дискуссия об общественной легитимности однополых союзов, либерализация процедуры правового признания гендерной идентичности, отличной от документального пола, законодательное уравнивание гомо- и гетеросексуальных семей в правах, общественная и законодательная легитимация рождения и воспитания общих детей в однополых партнерствах. Разумеется, эти стадии не являются строго последовательными; иногда они разветвляются параллельно, но направление от меньшей к большей лояльности государства и общества к частной жизни и разнообразным моделям семейных отношений сохраняется.

По состоянию на сегодня Украина прошла значительную часть пути от социального остракизма к общественно-политической инклюзии в отношении ЛГБТ. Стадию отмены уголовной ответственности за добровольный секс между взрослыми мужчинами Украина быстро прошла, как отмечалось выше, на заре своей независимости (1991–1992). Вторая стадия общественно-политического притяжения гомосексуальности в Украине заключалась в медико-правовой нормализации всех разновидностей сексуальной ориентации в соответствии с Международной статистической классификацией болезней и подобного рода проблем здравоохранения (МКБ). Этот процесс пришелся на 1990-е годы [КМУ, 1993], особенно на конец десятилетия, когда Украина перешла на применение указанной классификации в системе здравоохранения [МОЗ, 1998].

Далее, с середины нулевых годов Украина начала признавать сексуальную ориентацию значимой характеристикой индивида (2005) [МОЗ, 2005] и вступила на путь прямого запрета дискриминации по признакам СОГИ (2007–2009) [Рада Європи, 2012]. За время с провозглашения независимости и до самого начала 2020-х в Украине были приняты и вступили в силу как минимум 18 нормативно-правовых актов, в которых упоминается сексуальная ориентация и/или гендерная идентичность (преимущественно — в контексте запрета дискриминации по этим признакам). Среди этих актов действующими являются 15, тогда как три — утратили силу [Огляд, 2020].

По крайней мере с 2006–2007 годов в Украине продолжается также общественная дискуссия о признании “однополых браков” либо путем распространения действующего института брака на однополые пары, либо путем создания института зарегистрированного гражданского партнерства. Учитывая это, введение в научный оборот и обобщение информации об имеющихся *de facto* в Украине однополых семьях является актуальной задачей (в частности, для планируемой переписи населения и учета в последующих исследованиях населения в целом как элемент композиции выборки).

Рост количества публикаций на английском языке демонстрирует актуальность тематики однополых партнерств в разнообразных контекстах. Так, по данным поисковой системы Google Scholar объем научной литературы, содержащей ключевые слова “same sex partnership” или “same sex marriage”, увеличился с 2009-го по 2018-й более чем вдвое, с 3461 публикации до 8203. Публикаций, касающихся Украины, значительно меньше — примерно три тысячи за период с 1999-го до 2018 года, причем не менее половины из них упоминают однополые партнерства в советской психиатрической и карательной парадигме (см. напр.: [Кочарян, 2014]) или рассматривают юридические аспекты гармонизации правовых систем Украины и Европейского Союза.

В Украине ЛГБТ-семьи остаются малоизученной темой, большинство украинских социологических исследований семьи не включают однополые семьи в свой анализ. Первое исследование, полностью посвященное теме однополых партнерств в Украине, было проведено общественной организацией “ЛГБТ-центр “Наш мир”” в 2009 году [Маймулахин, Касянчук, Лещинский, 2009]. В следующем году Харьковская женская организация “Сфера” совместно с кафедрой социологии ХНУ провела междисциплинарную конференцию “Модели семьи: трансформации и тенденции развития”, где обсуждались альтернативы традиционной большой или (в новейшем варианте) нуклеарной семье, в том числе однополые [Збірник, 2009; Моделі сім’ї, 2010]. Год спустя общественная организация “Инсайт” инициировала сборник статей [ЛГБТ-сім’ї, 2012], в который вошла статья Т. Марценюк, посвященная изучению вопроса, действительно ли распределение ролей в однополых семье воспроизводит существующие гетеронормативные и патриархальные модели [Марценюк, 2012]. Некоторые отечественные публикации классифицируют ЛГБТ-семьи как явление негативное, свидетельствующее о кризисе института семьи [Малахова, 2020]. Большинство количественных данных в Украине было получено в исследованиях, которые не сосредоточивались на однополых или же квир-партнерствах (это, в частности, работы правозащитные и в сфере проблематики общественного здоровья, см. табл. 1). Но есть и исключения среди публикаций по данной тематике [Марценюк, Колеснік, 2016; Вербицкая и др., 2016; Шведкова, 2017; Тичина, Марчук, 2018; Герлах, 2019; Chernyak, 2016].

Неразрешенные ранее аспекты проблемы

В средствах массовой информации до сих пор циркулируют цифры о состоянии и распространенности однополых партнерств, базирующиеся на небольшом почтовом опросе 2009 года — например, “оценочное количество однополых пар в Украине составляет 200 тыс.” [Маймулахин, Касянчук, Лещинский, 2009], при этом игнорируется значительный массив более по-

здних и более надежных данных, главным образом из-за того, что эта информация представлена почти исключительно “серой литературой”, то есть публикациями местных и национальных общественных организаций и отчетами об исследованиях. В академической литературе недостает также критического метаанализа имеющейся информации. Государственная статистика не учитывает однополые семьи, по ошибке причисляя их членов к числу одиноких (“неженатых”) мужчин и женщин.

Цель и контекст публикации. Обобщение доступных количественных и качественных данных об однополых партнерствах в Украине, включая данные о наличии детей в таких партнерствах, в ретроспективе последних двадцати лет. Вместе с тем обзор доступных сведений об однополых семьях в Украине имеет и практическое измерение. По крайней мере с 2006 года субъекты общественно-политического движения за равноправие ЛГБТ в Украине поднимают вопрос о необходимости правового признания в отечественной юрисдикции гражданских семейных партнерств между лицами одного документального пола и правового признания в украинской юрисдикции браков, партнерств и других легальных форм однополых отношений, заключенных при участии лиц с украинским гражданством за границей [Говорухина, 2007].

В 2015 году правительством Украины утвержден план действий по реализации Национальной стратегии в сфере прав человека на период до 2020 года [План дій, 2015]. Этим планом (105.6) предусмотрены “разработка и передача на рассмотрение Кабинета Министров Украины законопроекта о легализации в Украине зарегистрированного гражданского партнерства для разнополых и однополых пар касательно имущественных и неимущественных прав, в частности владения и наследования имущества, содержания одного партнера другим в случае нетрудоспособности, конституционного права не свидетельствовать против своего партнера” (ответственными являются Кабинет Министров Украины, другие заинтересованные органы государственной власти). Аналогичная задача — “введение института зарегистрированного гражданского партнерства как формы правового признания партнерско-семейных отношений между лицами, которые принадлежат к одному документальному полу” — вошла и в Стратегию по комплексному ответу на барьеры в отношении прав человека на доступ к услугам по профилактике и лечению ВИЧ и туберкулеза до 2030 года [Стратегія, 2019]. Стратегия одобрена протокольным решением Национального совета по вопросам противодействия туберкулезу и ВИЧ-инфекции/СПИДу. Вместе с тем лидерство в процессе разработки соответствующих политико-правовых инициатив принадлежит субъектам неправительственного сектора — прежде всего общественным и благотворительным организациям, которые продвигают правозащитную повестку дня. Эффективное продвижение зарегистрированного гражданского партнерства в Украине возможно, и эта статья направлена на усиление данного измерения стратегической информации об ЛГБТ в Украине.

Методика поиска и отбора публикаций

Начальный поиск осуществлялся в системе Google Scholar в промежутке между 1999 и 2018 годами на украинском, английском и русском языках по следующим ключевым словам:

- украинский: Україна, “одностатеве партнерство” АБО “одностатевий шлюб” АБО “гомосексуальне партнерство” АБО “гомосексуальний шлюб” — найдено 103 публикации;
- английский: Ukraine, “same sex partnership” OR “same sex marriage” OR “gay partnership” OR “gay marriage” — найдено 2660 публикаций;
- русский: Украина, “однополое партнёрство” ИЛИ “однополый брак” ИЛИ “гомосексуальное партнёрство” ИЛИ “гомосексуальный брак” — найдено 492 публикации.

Полученные результаты и дальнейшая их обработка показаны на рис. На первом этапе отброшены все публикации, не касающиеся Украины или однополых семей в социологическом контексте (в частности, отброшено все, что касается анализа законодательства). На втором этапе отброшены такие публикации, как учебно-методические программы, учебники, конспекты лекции, анализ в сфере морали, философии, традиций, этики и истории в том случае, если автор не оперировал данными социологических исследований. Список полученных публикаций по теме статьи насчитывает 30 позиций.

Рис. Поиск и отбор публикаций 1988–2018 годов с применением системы Google Scholar

В этот список добавлены публикации, которые относятся к так называемой серой литературе, то есть отчеты об исследованиях общественных организаций (прежде всего Альянса общественного здоровья Украины, <http://aph.org.ua>), которые хоть и не посвящены прямо проблематике од-

нополого партнерства, однако содержат релевантные данные общенациональных опросов мужчин, имеющих секс с мужчинами (МСМ).

Результаты

1. Доля населения Украины, проживающего в однополых союзах. Как видно из данных таблицы 1, имеющиеся количественные исследования делятся по методу формирования выборочной совокупности на две большие группы: первую составляют те, где использована УВ — удобная выборка (сюда входят все интернет- и почтовые опросы, а также некоторые проведенные *face-to-face*); вторую составляют те, где использованы псевдослучайная выборочная совокупность (RDS — respondent driving sampling и TLS — time-location sampling, *face-to-face* опросы с привлечением профессиональных интервьюеров).

Таблица 1

Данные количественных исследований МСМ¹ в Украине, содержащих блок о семейном положении

Год	МСМ, которые совместно проживают и / или имеют общее хозяйство с другим мужчиной, % от “мужской” выборки	Выборка	Метод	Определение однополого партнерства в анкете	Ссылка
1	2	3	4	5	6
1999	13	449, почтовый опрос	УВ	“Имеете ли постоянного друга (партнера)?... да, живем вместе”	[Грибанов и др., 2000]
2004	6	886 (Киев, Одесса, Николаев, Донецк, Луганск, Харьков, Львов), МСМ за посл. 12 мес.	снежный ком	“Ваше семейное положение ... незарегистрированный гомосексуальный брак”	[Амджадин та ін., 2005]
2009	20	2300 (Киев и 13 областных центров), МСМ за посл. 12 мес.	RDS и TLS	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Андреева та ін., 2011]
2009	62	527, почтовый опрос	УВ	“Есть ли у вас однополый партнер?... да”, на дополнительный вопрос “Вы и ваш однополый партнер проживаете вместе и имеете общее хозяйство?” утвердительно ответили 45% от всей выборки	[Маймулахин, Касянчук, Лещинский, 2009]

¹ Данные об МСМ являются на сегодня наиболее полными, тогда как данные о гомо- и бисексуальных женщинах очень ограничены и получены на основе преимущественно качественной методологии.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
2009–2010	19	2565 (Винница, Донецк, Луганск, Черновцы), клиенты профил. программ для МСМ	УВ	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Касянчук, 2010]
2010	24	350 (Николаев), мужчины, которые имели по крайней мере один ор. или анал. контакт с другим мужчиной за посл. 6 мес.	RDS	“Опишите, пожалуйста, ваше семейное, фактическое положение ... живу с мужчиной-партнером”	[Касянчук, Салюк, Трофименко, 2011]
2010	28	309 (Киев, Донецк, Львов, Николаев), МСМ	УВ	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Зінченков та ін., 2011a]
2010	47	1454, МСМ, интернет-опрос	УВ	“Состоите ли вы сейчас в стабильных отношениях с кем-либо?... имею постоянные отношения только с одним мужчиной”	EMIS, рукопись отчета Беларуси, Молдовы и Украины
2011	16	101 (Мариуполь, МСМ, клиенты ВИЧ-сервисной НПО)	снежный ком	“С кем вы совместно живете и ведете хозяйство?... с мужчиной-партнером”	[Стулова и др., 2013]
2011	24	1708, интернет-опрос ЛГБТ-организации	УВ	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером своего пола”	[Зінченков і др., 2011]
2011	17	5950 (Киев, Севастополь и все обл. центры), МСМ за посл. 12 мес.	RDS	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Большов та ін., 2012]
2012	22	500 МСМ, которые знают, что такое фемидом, как он выглядит, и пользовались им за последние 12 месяцев (Кривой Рог, Черкассы, Николаев, Львов, Киев)	УВ	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Трофименко та ін., 2012]
2013	55	1006 (Донецк, Мариуполь, Львов, Одесса, Чернигов, МСМ до 29 лет, не-клиенты НПО)	RDS	“Состоите ли вы сейчас в стабильных отношениях с кем-либо?... имею постоянные отношения только с одним мужчиной”	[Postnov et al., 2016] (опубликована только часть результатов)
2013	54	504, Донецк, Запорожье, Киев, Одесса, Харьков, Черновцы), бисексуальные мужчины и их партнерши-женщины	снежный ком	“Имеете ли вы сейчас постоянного сексуального партнера?... да, одного мужчину + да, нескольких мужчин”	[Касянчук, Коржов, Варбан, 2014]

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
2013	8	8100 (Киев и все областные центры, а также Белая Церковь и Севастополь), МСМ за посл. 12 мес.	RDS	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Большов, Касянчук, Трофименко, 2014]
2015–2016	17	4550 (Киев и все обл. центры за исключением Луганска, а также Белая Церковь; на оккупированных территориях исследованием охвачены Донецк, Севастополь, Симферополь)	RDS	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Касянчук М. та інші, 2017]
2017	15	1365 (мужчины), интернет-опросы	УВ	“С кем вы совместно живете и ведете хозяйство?... с мужчиной-партнером”	[Шестаковский, Касянчук, 2018]
2017	29	1051, МСМ, интернет-опрос	УВ	“Состоите ли вы сейчас в стабильных отношениях с кем-либо?... имею постоянные отношения только с одним мужчиной”	EMIS, рукопись отчета по данным Беларуси, Молдовы и Украины
2017	18	2241, интернет-опрос	УВ	“С кем Вы ныне совместно живете и ведете домашнее хозяйство?... живу с мужчиной-партнером”	Новая голубая книга, неопубл. результаты Центра “Наш мир”
2017–2018	16	5971 (Киев и все обл. центры за исключением Луганска, а также Белая Церковь и Мариуполь; на оккупированных территориях исследованием охвачены Донецк, Севастополь и Симферополь)	RDS	“Опишите ваше фактическое семейное положение... живу с партнером-мужчиной”	[Сазонова, Дукач, 2019]

Определения, что именно в каждом из отобранных исследований попадает в категорию “однополое партнерство”, различаются, соответственно различаются и вопросы анкет. Точно так же не совпадают определения генеральной совокупности каждого из исследований. Все исследования с псевдослучайной выборкой, за исключением одного, и некоторые с удобной выборкой использовали наработанный еще в 2009 году способ определения семейного положения посредством двух вопросов — об официальном и о фактическом положении, причем наличие однополого партнерства фиксировалось вариантом “живу с партнером-мужчиной” (иногда в вопрос вводились уточнения о наличии общего хозяйства).

Приведенные в таблице 1 данные характеризуются десятикратным расхождением в оценках доли гомо- и бисексуальных мужчин, которые живут в однополых парах — от 6% до 62% (медиана 19%, интерквартильный разброс 16–28%) от охваченной соответствующим исследованием выборки МСМ. Такие существенные отличия обусловлены методологическими причинами.

Так, 62% (самое большое значение среди приведенных) получены в целевом опросе об однополых партнерствах, к удобной выборке которого могли привлекаться прежде всего те, кто имел опыт партнерства и интересовался этой проблематикой; дополнительным источником смещения значения к верхней границе диапазона значений был опрос женщин, среди которых может наблюдаться бóльшая по сравнению с мужчинами склонность к образованию стабильных пар [Bernstein, Naples, Harvey, 2016] (разумеется, здесь сравниваются ЖСЖ, а не общая популяция женщин с общей популяцией мужчин). Другие данные, попавшие в последний квартиль диапазона (29–62%), также характеризуются формированием на этапе рекрутинга удобной выборки, попадание в которую обуславливалось неравными шансами у разных групп генеральной совокупности (с респондентами контактировали, в частности, посредством обычной почты или рассылки объявлений в тематических ЛГБТ-группах в социальных сетях). Единственное исключение — RDS-исследование молодежи МСМ [Postnov et al., 2016]. Значения из первого квартиля диапазона (от 6% до 15%) также получены в основном на удобных, относительно небольших выборках (единственное исключение — RDS-исследование МСМ 2013 года, которое охватило свыше восьми тысяч респондентов). В анкетах этих исследований вопросы о партнерах формулировались по-разному — в одних случаях респондентов спрашивали о постоянных партнерах (иногда с уточнением “сексуальных”), в других — о совместном проживании, а в одном случае респондентам говорили даже о “незарегистрированном гомосексуальном браке”.

В отличие от этого, и медианные значения, и те, что укладываются в диапазон 16–28%, в половине случаев получены с использованием псевдослучайных выборок (RDS — выборка, которая формируется самими респондентами, а в одном случае TLS — выборка по времени и месту), причем вопрос задавался однотипный: “С кем вы совместно живете и ведете хозяйство?”

Как отмечалось выше, тиражируемые в СМИ данные о численности ЛГБТ-семей в Украине на уровне 200 тысяч взяты из исследования Центра “Наш мир” [Маймулахин, Касянчук, Лецинский, 2009]. Вместе с тем данные в таблице 1 свидетельствуют о том, что эта оценка ненадежна, а ближе к реальности втрое меньшие значения, по крайней мере для совокупности мужчин, которые имеют секс с мужчинами, проживая в столице или областных центрах. Кроме того, в литературе имеются данные о том, что этот показатель является лабильным, зависимым от социально-политической и законодательной ситуации конкретного государства, культурных установок определенного общества и международной ситуации (в частности, открытости границ, что влияет на миграционные процессы в глобальной популяции МСМ). Так, медианная доля МСМ, имеющих постоянного партнера-мужчину, была по данным Европейского интернет-исследования МСМ 2010 года 39%, при этом в Нидерландах этот показатель составлял 42%, а в Испании — 32% [Quinlan et al., 2011].

Еще одним ограничением приведенных данных является отсутствие оценки вероятности попадания в любые выборки одновременно обоих участников однополого партнерства, что может влиять на оценку именно численности партнерств.

2. Дети в однополых партнерствах. В широком толковании семьей принято [Сім'я, s.a.] называть группу людей, которые живут вместе, будучи связанными родством или браком, причем ребенок воспринимается как “естественное” продолжение (гетеросексуального) союза. Законодательство Украины включает в категорию “близкие родственники и члены семьи” лиц, “которые совместно проживают, связаны общим бытом и имеют взаимные права и обязанности”, в том числе тех, “которые совместно проживают, но не состоят в браке” (п. 1 часть 1 ст. 3 УПК Украины). ЛГБТ, опрошенные разными авторами, в основном разделяют этот взгляд:

“Семья — это когда много, это семья Я. Много людей, много детей, когда все друг друга любят, взаимопонимание, если это уборка в доме, то тоже все вместе. Семья — это целостное, организм, который настолько взаимосвязан, который нельзя сломать. Это очень много значит. Семья для меня на первом месте” (Из интервью с партнершей транс-человека [ЛГБТ-сім'я, 2012]).

В Украине реализовать право на материнство и/или отцовство можно несколькими способами: путем естественного зачатия и рождения ребенка, через усыновление/удочерение или благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям [МОЗ, 2013]. Примечательно, что гомосексуальность и бисексуальность или соответствующие им модели поведения, как и факт пребывания взрослого человека в семейном партнерстве с другим человеком того же документального пола, не являются с точки зрения закона преградами для адопции. Поскольку в Украине легитимной является индивидуальная адопция, то адоптант(к)ами *de facto* может выступать однополая пара на тех правовых основаниях, что только один из участников мужской или одна из участниц женской пары будет иметь формальный статус усыновителя/-льницы или удочерителя/-льницы.

Все используемые способы получения однополыми семьями тех прав, которые гетеросексуальные пары получают по факту регистрации брака, являются намного более сложными, дорогостоящими и без гарантий успеха. Так, например, лица, которые не состоят в браке между собой, не могут усыновить/удочерить одного и того же ребенка, но если такие лица проживают одной семьей, суд может принять решение об усыновлении/удочерении ими ребенка. Примером приоритетности для удочерения/усыновления именно брака, а не семьи является приоритетное право супружеской пары на адопцию.

“Законодательство — это ещё и официальное признание таких отношений на уровне государства. Оно же и на мнение людей влияет. Так что, в каком-то смысле, отсутствие таких законов чуть не сломало мне жизнь. Мы обе жили и воспитывали детей с нелюбимыми мужчинами, потому что уйти — означало уйти в никуда. В семью, которую таковой никто не признаёт. И смогли сделать это только уже в весьма зрелом возрасте. Когда уже были уверены, что ни детей никто не отберёт (15-летнюю уже попробуй отбери — себе дороже), ни карьеру никто нам аутизмом не испортит” (Из интервью с женщиной, которая воспитывает ребенка в Л-семье [Шведкова, 2017]).

Совершеннолетние женщина или мужчина имеют право на участие в программах вспомогательных репродуктивных технологий. Однако для этого нужно согласие официального семейного партнера:

“Приходилось искать нелегальные пути, чтоб зачать в клинике. Они требуют согласия партнёра, предполагая, что это должен быть муж. Врача не сразу нашли. И по совету другой такой же пары” (Из интервью с женщиной, которая воспитывает ребенка в Л-семье [Шведкова, 2017]).

Если количественные данные о наличии постоянного однополого партнера есть во многих публикациях, то данных о детях значительно меньше (табл. 2). Наличие детей четко связано с опытом гетеросексуального брака [Маймулахин, Касянчук, Лещинский, 2009]. Как правило, если в анкетах был вопрос о детях, то он не позволял установить, каким способом эти дети появились, воспитываются ли они в однополых парах, знают ли они о гомо-/бисексуальной ориентации отца или матери и вообще являются ли эти дети “детьми” в понимании законодательства (то есть несовершеннолетними лицами) или же являются таковыми лишь в смысле родства (то есть являются совершеннолетними лицами). Только в одном из исследований этот аспект выясняли прямо (неопубликованные данные опроса Центра “Наш мир”, проект “Новая голубая книга”): в 87% тех ЛГБТ, которые имеют детей, ребенок родился в результате гетеросексуальных отношений, в 3% — в результате усыновления, в 6% — в результате искусственного оплодотворения и еще в 4% — вследствие договорных отношений (сексуальный контакт исключительно ради оплодотворения). 11% из числа тех, кто имеет однополого партнера, сообщили, что в их паре воспитывается или воспитывался по крайней мере один ребенок.

Таблица 2

Данные количественных исследований ЛГБТ в Украине, содержащие сведения о наличии детей в однополых семьях

Год	% ЛГБТ, имеющие детей	Выборка	Метод	Вопрос в анкете	Ссылка
2009	16	527, почтовый опрос	УВ	“Есть ли у вас дети?... да”	[Маймулахин, Касянчук, Лещинский, 2009]
2013	29 (среди мужчин)	504, (Донецк, Запорожье, Киев, Одесса, Харьков, Черновцы), бисексуальные мужчины и их партнерши-женщины	снежный ком	“Есть ли у вас ребенок / дети?... да”	[Касянчук, Коржов, Варбан, 2014]
2017	14	2241, интернет-опрос	УВ	“Есть ли у вас ребенок / дети?... да”	Новая голубая книга, неопубл. результаты Центра “Наш мир”

Структура ЛГБТ-семей, в которых воспитываются дети, в свете имеющихся данных выглядит так: однополое женское партнерство, в котором дети были рождены одной, реже обеими партнершами в предыдущих гетеросексуальных браках [Вербицкая та ін., 2016; Грибанов та ін., 2000; Майму-

лахин, Касянчук, Лещинский, 2009]. При этом до определенного момента (чаще всего до подросткового возраста) ребенок воспринимает как семью родную мать, отца, с которыми на данный момент уже разлучен или живет отдельно, а также бабушек, дедушек и других родственников с обеих сторон. И даже если связь с отцом ребенка совсем нестабильная и слабая, ребенок продолжает поддерживать отношения с семьей отца, скрывая правду о “новой жизни” матери, собственно о ее партнерше, активно вовлеченной в уход за ним и включенной в процесс его воспитания; это необходимо ему, чтобы избежать конфликтов с “отцовской семьей/родственниками” или предупредить возможное использование такой информации как повода для разлучения ребенка с матерью из-за непринятия ее однополого партнерства биологическим отцом [Шведкова, 2017]. В таких условиях одна из партнерш, которая не является биологической матерью, подвергается двойному исключению из сферы родства, поскольку официально она не признана ни женой, ни матерью. Это создает ощущение бесправия в случае расставания пары:

“После смерти супруги моя дочь была отправлена в приют как осиротевшая. Потом на опеку претендовала бабушка, которая с дочерью даже знакома не была, фактически (видела её только маленькой), и живёт на пенсию в деревне. 14-летнюю девочку-подростка. В приют... Потом — к незнакомой бабушке в село с туалетом на улице, где все чужие. После смерти матери... К счастью, нашлись хорошие люди и среди чиновников, и удалось бабушку убедить, что девочка со мной жила всю жизнь, и ей со мной будет лучше. Но натерпелись очень при этом” (Из интервью с женщиной, которая воспитывает ребенка в Л-семье [Шведкова, 2017]).

Еще одной из моделей является такая, при которой женщины вместе приняли решение либо о рождении, либо об усыновлении, а в одном из случаев родили детей от разных мужчин с разницей в несколько месяцев. В таком случае обычно оформляется фиктивный брак между женщиной, который чаще также состоит в однополном партнерстве, и женщиной [ЛГБТ-сім’ї, 2012].

Фиктивный брак не только делает возможным рождение/усыновление детей, но и разрешает вопрос с декларацией легального брачного статуса на работе, перед коллегами, и дома, перед родителями. Часто, заключая такой фиктивный брак, мужчина намерен принимать участие в воспитании ребенка, но когда ребенок рождается, воспитание и уход перекладывается на обеих женщин в однополном партнерстве [ЛГБТ-сім’ї, 2012].

В отношении мужских партнерств ситуация существенно иная. В нормативной культуре ни наличие детей, ни активное привлечение к уходу за ними не является атрибутами мужской самореализации [Connell, 2005]. Поэтому если говорить о мужских однополых семьях, то обычно речь идет о партнерстве без детей. Чаще всего дети этих мужчин проживают с их матерью и воспитываются ею. Мужчина часто поддерживает связь с детьми, но детям о частной жизни их отца почти ничего неизвестно, поскольку это тщательно скрывают. Следовательно, здесь речь идет не о близких гармоничных родительских отношениях с детьми в таких партнерствах, поскольку одному из партнеров запрещено визуализироваться в своей роли перед ребенком другого и тем более претендовать на отцовство [ЛГБТ-сім’ї, 2012].

Кроме того, значительная часть мужчин, имеющих детей, — это те, кто живет в гетеросексуальных семьях с женщинами/матерями своих детей, а

однополые контакты имеют с мужчинами как их постоянными и/или случайными партнерами. В таком случае всю информацию о “двойной жизни отца” тоже скрывают [Касянчук, Коржов, Варбан, 2014].

Среди мужчин наблюдается более высокий, чем среди женщин, уровень самостигматизации в аспекте воспитания ребенка [ЛГБТ-сім'ї, 2012].

Если же говорить о детях, которые воспитываются в семье, где либо один из партнеров, либо оба являются трансгендерными людьми, то ситуация до 2016 года осложнялась вопросом, какие документы имеются у трансгендерного лица и, соответственно, может ли он легально состоять в браке с партнером/партнершей, имеет ли право на искусственное оплодотворение, усыновление ребенка и т. п. [МОЗ, 1996; МОЗ, 2011]:

“Я вынужден жить с женским паспортом, чтобы быть родителем. То есть государство ставит меня перед выбором: или я никто своему ребёнку (подписываю отказ), или я живу с паспортом, где женское имя... По крайней мере, долгое время так было. Сейчас, вроде бы, есть сдвиги в законодательстве в этой связи. Но ещё неизвестно, как это всё будет работать” (Из интервью с транс-мужчиной, который воспитывает ребенка [Шведкова, 2017]).

Однако по состоянию на сегодня действует регуляторный акт [МОЗ, 2016], согласно которому факт состояния лица, претендующего на смену половой принадлежности, в браке уже не является преградой для процедур по смене пола. Новые правила создали правовую коллизию, которая заключается в том, что для трансгендерного лица, которому уже заменено свидетельство о рождении и паспорт гражданина Украины (с внесением в эти обновленные персональные документы другого маркера пола), не предусмотрено специального порядка внесения изменений ни в актовую запись о браке, в котором он состоит, ни в соответствующее свидетельство о браке.

3. Кто в семье глава? Партнеры в ЛГБТ-парах считаются более эгалитарными в распределении своих ролей. Это касается как бытовых обязанностей или экономического обеспечения семьи, так и процесса принятия решений [ЛГБТ-сім'ї, 2012]. В то же время некоторые респондентки и респонденты убеждены, что именно совместное владение экономическим ресурсом — важный признак семьи. Несмотря на заявления о полной эгалитарности ролей, распределение обязанностей зависит от вовлеченности партнеров в рынок труда. В семьях, где одна партнерша работает или имеет неполную занятость, она обычно также занимается поддержанием домохозяйства [ЛГБТ-сім'ї, 2012]. Существует также потребность в обрядах, которые обозначают для опрошенных их отношения как “узаконенные”, как имеющие право на существование в формате “семья”. Например, некоторые пары венчаются в церкви, носят обручальные кольца, то есть перенимают символику гетеросексуального представления об институтах семьи и брака [Марценюк, 2012]. Частью общественного восприятия семьи является гетеронормативность, то есть уподобление отношений в однополых паре отношениям, распространенным среди гетеросексуальных пар [Маркова, Габрель, 2012; Martsenyuk, 2013].

Таким образом, отдельные данные демонстрируют значительное сходство структуры однополых партнерств с типичной моделью городской нуклеарной семьи — с определенными поправками на большую эгалитарность супружеских ролей.

4. Взаимоотношения ЛГБТ-семей с социумом. Отношения ЛГБТ-семей с окружением могут зависеть по крайней мере от двух факторов. На микроуровне это связано с тем, признают ли партнеры сами себя семьей. То есть серьезность намерений, совместные планы на будущее приводят к частичной или полной открытости в отношении характера своей сексуальности и, соответственно, к началу выстраивания “откровенных” отношений с социумом.

“От родных не скрывала, когда мы решили родить, мы обе уже были в каминг-ауте, единственный момент, когда мы вдвоем работали по найму, в одном и том же офисе, мы скрывали, что пара, говорили, что совместно снимаем жильё. Когда ребёнку было полтора, у нас был аутизм по телевидению, после этого скрывать что-либо было просто бесполезно” (Из интервью с женщиной, которая воспитывает ребенка в Л-семье [Шведкова, 2017]).

Обычно подобная откровенность распространяется на первый круг родства (дети, родители, братья, сестры) и близких друзей. Наиболее закрытым факт наличия гомосексуальных отношений и существования однополрой семьи является для родственников от первого брака:

“Семья открыта всегда была. Кроме папы и бабушки папиной. Там я старался лишнего не говорить. Не только про ориентацию... Думаю, если б мама с мужчинами встречалась — тоже не говорил бы. Ну и я рассказывал только друзьям. Ближнему окружению. Остальным и странно как-то рассказывать с кем твоя мама живет” (Из интервью с ребенком, который воспитывается в ЛГБТ-семье [Шведкова, 2017]).

В случае, когда ребенку в однополрой семье не было с детства известно, что один или одна из родителей живут в однополрой паре, то родителям нужно открыться ребенку при достижении им подросткового возраста [Шведкова, 2017].

Вместе с тем готовность пары к открытости напрямую связана также с безопасностью на макроуровне — с тем, насколько социум готов признавать однополрые пары как полноправные [Кляпець, 2014; Слюсар, 2017]. Пять раундов Международной программы социального исследования (International Social Survey Program) были реализованы с 1988 по 2008 год. В частности, респонденты (среди них и украинские) в 2008 году отвечали на вопрос о приемлемости однополрых пар и возможности усыновления ими детей [Smith, 2011]. Аналогичные мониторинговые исследования в Украине проводились в 2002, 2007 и 2011 годах по заказу ЛГБТ-центра “Наш мир” [Зінченков, Касянчук, Кравчук, Маймулахін, Остапенко, Шеремет, 2011], а также в 2013 и 2015 годах [Шестаковський, Трофименко, Вознесенський, Касянчук, 2016]. С одной стороны, с 2002-го по 2011 год доля опрошенных, которые отрицательно отвечали на вопрос “Должны ли гомосексуальные пары иметь право зарегистрировать свои отношения?”, возростала с 49% до 69%. С другой стороны, с 2013-го по 2016-й, то есть в условиях военной нестабильности в стране, доля респондентов, отрицающих это право, не изменилась. Опыт пережитой дискриминации негативно сказывается на физическом и ментальном благополучии семейных пар разных типов [Van Der Star, Bränström, 2015].

Таким образом, взаимоотношения ЛГБТ-семей со своим окружением в настоящий момент нельзя описать как благополучные — отсутствие законодательного признания, преимущественно негативно общественное отношение и опасения самих пар что касается открытости обуславливают высокие риски социального неблагополучия однополрых пар в Украине.

Выводы

В настоящее время в Украине собрана (преимущественно силами объединений граждан) определенная информация касательно феномена однополых партнерств. Так, имеется ряд данных о доле гомо- и бисексуальных мужчин, живущих в таких партнерствах, — в зависимости от композиции выборки и принятого исследователями определения этот процент чаще всего попадает в интервал 16–28% опрошенных жителей столицы и областных центров. Количественная информация о женских партнерствах крайне ограничена, а если в таком партнерстве один или оба партнера являются трансгендерными лицами, то количественных данных вообще нет. В отношении качественной информации ситуация иная — больше известно о состоянии женских и, отчасти, трансгендерных партнерств (включая вопрос о детях в таких семьях), нежели о мужских парах. Данные отдельных исследовательниц демонстрируют значительное сходство структуры однополых партнерств с типичной моделью городской нуклеарной семьи, с определенными поправками на большую эгалитарность супружеских ролей и отсутствие официального статуса, а значит, и связанные с этим рисками.

При планировании дальнейших исследований было бы целесообразно согласовать общее понимание исследуемого предмета, а именно что такое “однополое партнерство”, какие признаки делают однополые отношения именно “партнерством” (гражданским, семейным), какие признаки делают гражданское партнерство “семьей” и т. п. Кроме того, при планировании масштабных исследований национального уровня (таких, как перепись населения или мониторинг социальных изменений) следует дополнить опросник блоком вопросов о незарегистрированных партнерствах, в том числе однополых.

Источники

Амджадин, Л., Кашенкова, К., Коноплицька, Т., Лисенко, О., Марусов, А., Привалов, Ю., Сасенко, Ю., Трофименко, О. (2005). *Моніторинг поведінки чоловіків, які мають секс з чоловіками, як компонент епідагляду другого покоління: Аналітичний звіт за результатами дослідження*. Київ: МБФ “Міжнародний Альянс з ВІЛ/СНІДу в Україні”.

Андреева, Т. І., Большов, Е. С., Касянчук, М. Г., Трофименко, О. В., Шеремет С. П. (2011). *Моніторинг поведінки та поширеності ВІЛ-інфекції серед чоловіків, які практикують секс із чоловіками, як компонент епідагляду за ВІЛ другого покоління. Аналітичний звіт за результатами зв'язаного дослідження 2009 року*. Київ: МБФ “Міжнародний Альянс з ВІЛ/СНІДу в Україні”.

Большов, Е. С., Касянчук, М. Г., Лещинський, Є. Б., Трофименко, Л. В., Шваб, І. А. (2012). *Моніторинг поведінки та поширеності ВІЛ-інфекції серед чоловіків, які практикують секс із чоловіками, як компонент епідагляду за ВІЛ другого покоління. Аналітичний звіт за результатами біоповедінкового дослідження 2011 року*. Київ: МБФ “Міжнародний Альянс з ВІЛ/СНІДу в Україні”.

Большов, Е. С., Касянчук, М. Г., Трофименко, Л. В. (2014). *Моніторинг поведінки та поширеності ВІЛ-інфекції серед чоловіків, які практикують секс із чоловіками, як компонент епідагляду за ВІЛ другого покоління. Аналітичний звіт за результатами біоповедінкового дослідження 2013 року*. МБФ “Міжнародний Альянс з ВІЛ/СНІДу в Україні”. Київ.

Вербицкая, Н., Ильинская, И., Зинченков, А., Герман, Е., Касянчук, М., Науменко, С. (2016). Гражданские партнёрства: юридические, психологические и медицинские аспекты жизни однополых пар в Украине. Киев.

Герлах, Ш. (2019). *Веселкові сім'ї. Частина перша* / Пер. О. Семенової. Київ.

Говорухіна, М. (2007). *Гомосексуали в Україні — проблема великої політики (за матеріалами семінару “Моніторинг і захист прав гомосексуалів в Україні” (від 23 лютого 2007 року))*. Одержано з: <https://helsinki.org.ua/articles/homoseksualy-v-ukrajini-problema-velykoji-polityky-za-materialamy-seminaru-monitorynh-i-zahyst-prav-homoseksualiv-v-ukrajini-vid-23-lyutoho-2007-roku/>

Грибанов, А., Данилевич, Т., Жиловец, Ю., Касянчук, М., Кравчук, А., Лещинский, Е., Маймулахин, А., Юдин, В. (2000). *Голубая книга. Положение геев и лесбиянок в Украине. Отчёт*. Киев: Центр “Наш мир”.

Зінченков, О.О., Касянчук, М.Г., Кравчук, А.В., Маймулахін, А.Ю., Остапенко, О.І., Шеремет, С.П. (2011). *Крок вперед, два назад: Становище ЛГБТ в Україні в 2010–2011 рр.* Київ: Рада ЛГБТ-організацій України, Центр “Наш світ”, ЛГБТ-Центр “Донбас-СоцПроект”.

Зінченков, О.О., Касянчук, М.Г., Пономарьов, С.Ю., Трофименко, О.В., Шеремет, С.П. (2011). *Моніторинг порушень прав людини в контексті доступу ЧСЧ до основних послуг з профілактики ВІЛ/СНІДу, лікування, догляду та підтримки*. Київ.

Касянчук, М. (2010). *Основные характеристики клиентов проектов “Сеть” и “Наш мир против ВИЧ/СПИДа”. Проекты “Сеть” и “Наш мир против ВИЧ/СПИДа”. Сборник материалов Центр “Наш мир”*. Киев.

Касянчук, М.Г., Коржов, Г.О., Варбан, М.Ю. (2014). *Свій серед чужих, чужий серед своїх. Чоловіки-бісексуали та їхні партнерки в Україні. Науковий звіт про дослідження*. Донецьк: МБФ “Міжнародний Альянс з ВІЛ/СНІДу в Україні”, Громадська організація “Міжрегіональний центр ЛГБТ-досліджень Донбас-СоцПроект”.

Касянчук, М., Трофименко, О., Білоус, Є., Саконова, Я. (2017). *Моніторинг поведінки та поширення ВІЛ-інфекції серед чоловіків, які практикують секс з чоловіками (національна частина)*. Київ: МБФ “Альянс громадського здоров'я”.

Касянчук, М., Салюк, Т., Трофименко, О. (2011). *Аналитический отчёт по результатам проекта “Связанное исследование среди МСМ методом RDS в г. Николаеве”*. Киев: Центр социальных экспертиз, Николаевская ассоциация геев, лесбиянок и бисексуалов “ЛиГА”.

Кляпещ, О.Я. (2014). Дискримінація альтернативних форм конструювання сім'ї в сучасному українському суспільстві. *Психологічні науки: проблеми і здобутки*, (6), 75–90.

КМУ (1993). *Державна програма переходу України на міжнародну систему обліку і статистики: Постанова Кабінету Міністрів України від 4 травня 1993 року № 326*. Отримано з: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/326-93-%25D0%25BF>

Кочарян, Г.С. (2014). Принудительная гомосексуализация — современная деструктивная тенденция полового воспитания. В: *Урология, андрология, нефрология 2014: Материалы научно-практической конференции* (с. 100–103). Харьков.

ЛГБТ-сім'ї (2012). *ЛГБТ-сім'ї в Україні: соціальні практики та законодавче регулювання* / За ред. Г. Ярманої. Київ.

Маймулахин, А.Ю., Касянчук, М.Г., Лещинский, Е.Б. (2009). *Однополые партнёрство в Украине: отчёт о проведённом исследовании*. Киев: Центр “Наш мир”, “Донбас-СоцПроект”.

Малахова, Ж.Д. (2020). Негативные явления в семьях современной Украины. *Габитус*, 11, 48–55.

Маркова, М.В., Габрель, Р.Т. (2012). Методологічні аспекти дослідження життєдіяльності одностатевих партнерських пар. *Здоровье мужчины*, 2, 141–143.

Марценюк, Т. (2012). ЛГБТ сім'ї в Україні: відтворення патріархату чи альтернатива владному дискурсу? *Наукові записки НаУКМА. Соціологічні науки*, 135, 50–58.

Марценюк, Т., Колеснік, В. (2016). Чинники залучення батьків гомосексуальних дітей до ЛГБТ-руху в Україні. *Наукові записки НаУКМА. Соціологічні науки*, 187, 67–75. Отримано з: http://nbuv.gov.ua/UJRN/NaUKMA_s_2016_187_11

Моделі сім'ї (2010). *Моделі сім'ї: трансформації та тенденції розвитку. Матеріали конференції 25.09.2010*. Харків: Харківське жіноче об'єднання "Сфера".

МОЗ (1996). *Про надання медичної допомоги особам, що потребують зміни (корекції) статевої належності*. Наказ МОЗ України № 57 від 15.03.1996. Отримано з: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0279-96>

МОЗ (1998). *Про перехід органів і закладів охорони здоров'я України на Міжнародну статистичну класифікацію хвороб і споріднених проблем охорони здоров'я десятого перегляду*. Наказ МОЗ України № 297 від 08.10.1998. Отримано з: <http://mozdocs.kiev.ua/view.php?id=1443>

МОЗ (2005). *Порядок добровільного консультування і тестування на ВІЛ-інфекцію (протокол)*. Наказ МОЗ України № 415 від 19.08.2005. Отримано з: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1404-05/page6>

МОЗ (2011). *Про удосконалення надання медичної допомоги особам, які потребують зміни (корекції) статевої належності*. Наказ МОЗ України № 60 від 03.02.2011. Отримано з: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0239-11>

МОЗ (2013). *Про затвердження Порядку застосування допоміжних репродуктивних технологій в Україні*. Наказ МОЗ України № 787 від 09.09.2013. Отримано з: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1697-13>

МОЗ (2016). Про встановлення медико-біологічних та соціально-психологічних показань для зміни (корекції) статевої належності та затвердження форми первинної облікової документації й інструкції щодо її заповнення. Наказ МОЗ України № 1014 від 05.10.2016. Отримано з: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1589-16>

Огляд (2020). *Огляд позитивних законодавчих зрушень в Україні щодо ЧСЧ/ЛГБТ станом на січень 2020 року. Підготовлено Експертною групою з питань здоров'я й прав геїв та інших ЧСЧ в Україні (ЕГЗП-Україна #EGHR-UA) у співпраці з Національним ЧСЧ-консорціумом #MSM_PRO за ресурсної підтримки Міжнародного благодійного фонду "Альянс громадського здоров'я" (відповідальний національний експерт — Андрій Чернишев)*. Редакція станом на 30.01.2020. Одержано з: www.fb.com/970886006660754

План дій (2015). *План дій з реалізації Національної стратегії у сфері прав людини на період до 2020 року. Затверджений розпорядженням Кабінету Міністрів України від 23 листопада 2015 р. № 1393-р*. Отримано з: www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=248740679

Рада Європи (2012). *Про ратифікацію Конвенції Ради Європи про захист дітей від сексуальної експлуатації та сексуального насильства*. Закон України № 4988-VI від 20.06.2012. Отримано з: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4988-17>

Сім'я (1978). В: *Словник української мови в 11-ти т.* (т. 9). Київ: Наукова думка.

Слюсар, Л. І. (2017). Специфіка батьківства у сім'ях різних типів: проблеми, ризики та шляхи їх мінімізації. *Демографія та соціальна економіка*, 3, 24–36.

Юридична енциклопедія (2003). *Юридична енциклопедія в 6-ти т. Т. 5. П–С*. Київ: "Українська енциклопедія" імені М.П. Бажана.

Сазонова, Я., Дукач, Ю. (2019). *Звіт за результатами біоповедінкового дослідження серед чоловіків, що практикують секс з чоловіками, в Україні*. Київ. МБФ "Альянс громадського здоров'я".

Стратегія (2019). *Стратегія з комплексної відповіді на бар'єри з прав людини для доступу до послуг з профілактики і лікування ВІЛ та туберкульозу до 2030 року. Затверджено рішенням від 23 травня 2019 р. Національна рада з питань протидії туберкульозу та ВІЛ-інфекції/СНІДу*. Отримано з: <http://bit.ly/38kK0V9>

Стулова, А. В., Касянчук, М. Г., Лещинский, Е. Б., Остапенко, А. И. (2013). *Биоповеденческое и сетевое исследование МСМ в г. Мариуполе: отчёт*. Донецк: ЛГБТ-центр “Донбас-СоцПроект”.

Тичина, І. М., Марчук, А. П. (2018). Особливості сімейних цінностей гетеросексуальних людей та людей з ЛГБТ-спільноти. *Науковий вісник Херсонського державного університету*, 1 (1), 203–208.

Трофименко, О. В., Привалов, Ю. О., Рокицька, О. Ю. (2012). *Оцінка впровадження пілотних проектів щодо розповсюдження фемідомів (жіночих презервативів) серед ЧСЧ. Звіт за результатами операційного дослідження (неопублікований)*. Київ: МБФ “Міжнародний Альянс з ВІЛ/СНІД в Україні”.

Чихладзе, С., Касянчук, М. (2018). *Оценка существующей стратегической информации о ВИЧ среди МСМ и транслудей в Армении, Беларуси, Грузии, Кыргызстане и Македонии. Базовая оценка, проведённая по заказу ЕКОМ в рамках программы Глобального Фонда “Право на здоровье”*. Евразийская коалиция по мужскому здоровью (ЕКОМ). Таллинн.

Шарыгина, А. Б. (2009). *Гендерные трансформации нуклеарной модели семьи. Лесбийские и геевские партнерства*. Збірник доповідей Міжнародної науково-практичної конференції “Гендерні перетворення в Україні: осмислюючи стратегію і тактику”. Харків: Райдер.

Шведкова, О. (2017). *Соціальні та законодавчі особливості виховання дітей ЛГБТ-сім'ями в Україні*. БО “Ініца”, IX Національна конференція ЛГБТ-руху та ЧСЧ-сервісу України (2016). Рукопис звіту про дослідження за підтримки гранту Національної ЛГБТ-конференції. Київ.

Шестаковський, А., Касянчук, М. (2018). *Исследование интернализированной гомонегативности (внутренней гомофобии). Аналитический отчёт*. Таллинн: Евразийская коалиция по мужскому здоровью (ЕКОМ).

Шестаковський, О., Трофименко, О., Вознесенський, М., Касянчук, М. (2016). *Післяреволюційна Україна: толерантність чи ухил вправо: науковий звіт про дослідження*. Київ: ЛГБТ-центр “Донбас-СоцПроект”.

Bernstein, M., Naples, N.A., Harvey, B. (2016). The Meaning of Marriage to Same-Sex Families: Formal Partnership, Parenthood, Gender, and the Welfare State in International Perspective. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 23 (1), 3–39. Retrieved from: <https://doi.org/10.1093/sp/jxv002>

Chernyak, K. (2016). Legalization of same-sex relationship and transformations in the social institute of family. *Science and Education: a New Dimension. Humanities and Social Sciences*, IV (13), 78–81.

Connell, R. W. (2005). *Masculinities*. Cambridge: Polity.

Martsenyuk, T. (2013). *Gender Roles in LGBT Families in Ukraine: Idealization and Reproduction of Heteronormativity*. S.I.

Postnov, O., Kasianczuk, M., Neduzhko, O., Gerasimenko, T., Sazonova, O., Kiriazova, T., Shvab, I., Yorick, R. (2016). MSM community mobilization for HIV prevention in Ukraine: the effectiveness of Mpowerment behavioral intervention. *Abstract Book: 21st International AIDS Conference, July 18–22*. Durban.

Smith, T. W. (2011). *Cross-national differences in attitudes towards homosexuality*. Retrieved from: <https://escholarship.org/uc/item/81m7x7kb>

Van Der Star, A., Bränström, R. (2015). Acceptance of sexual minorities, discrimination, social capital and health and well-being: a cross-European study among members of same-sex and opposite-sex couples. *BMC public health*, 15 (1), 812.

Quinlan, M., Donlon, S., McCartney, D., Mozalevskis, A., Shmykova, E., Kloka, M., Sekuler, T., Schmidt, A. J., Marcus, U. (2011). The European MSM Internet Survey (EMIS). Community Report 2.eu. Gay Men's Health Service (GMHS), HSE, Ireland. S.I. Retrieved from: <http://www.emis-project.eu/community-2.html>

Получено 08.04.2020

References

- Action Plan (2015). *Action plan for the implementation of the National human rights strategy for the period up to 2020. Approved by the Decree of the Cabinet of Ministers of Ukraine dated November 23, 2015 № 1393-p.* [In Ukrainian]. Retrieved from: www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=248740679 [= План дії 2015]
- Amdzadeen, L., Kashchenkova, K., Konoplytska, T., Lysenko, O., Marusov, A., Privalov, Y., Sayenko, Y., Trofymenko, O. (2005). *Monitoring of MSM Behavior as a Second Generation Surveillance Component: An analytical report on the study.* [In Ukrainian]. Kyiv: ICF International HIV / AIDS Alliance in Ukraine. [= Амджадін 2005]
- Andreeva, T., Bolshov, E., Kasianczuk, M., Trofymenko, O., Sheremet S. (2011). *Monitoring of behavior and distribution of HIV infection among MSM as the component of the second generation HIV epidemiological surveillance. Analytical report on the results of a related survey.* [In Ukrainian]. Kyiv: ICF International HIV / AIDS Alliance in Ukraine. [= Андреева 2011]
- Bolshov, Y., Kasianczuk, M., Leshchinsky, Y., Trofymenko, O., Schwab, I. (2012). *Monitoring of behavior and distribution of HIV infection among MSM as the component of the second generation HIV epidemiological surveillance. Analytical report on the results of a bio-behavioral survey of 2011.* [In Ukrainian]. Kyiv: ICF International HIV / AIDS Alliance in Ukraine. [= БОЛЬШОВ 2012]
- Bolshov, E., Kasianczuk, M., Trofymenko, O., (2014). *Monitoring of behavior and distribution of HIV infection among MSM as the component of the second generation HIV epidemiological surveillance. Analytical report on the results of a bio-behavioral survey of 2013.* [In Ukrainian]. Kyiv: ICF International HIV / AIDS Alliance in Ukraine. [= БОЛЬШОВ 2014]
- Chikhladze, S., Kasianczuk, M. (2018). *Assessment of existing strategic information on HIV among MSM and trans people in Armenia, Belarus, Georgia, Kyrgyzstan and Macedonia. Baseline assessment commissioned by ECOM within the framework of the Global Program "Right to Health". Eurasian Coalition for Men's Health (ECOM).* [In Russian]. Tallinn. [= Чихладзе 2018]
- Council of Europe (2012). *On the ratification of the Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse. Law of Ukraine No. 4988-VI dated 20.06.2012.* [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4988-17> [= Рада Європи 2012]
- Gerlach, S. (2019). *Rainbow families. Part One / Tr. by O. Semenova.* [In Ukrainian]. Kyiv. [= Герлах 2019]
- Govorukhina, M. (2007). *Homosexuals in Ukraine – a problem of big politics (based on the seminar "Monitoring and protection of the rights of homosexuals in Ukraine" (February 23, 2007).* [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://helsinki.org.ua/articles/homoseksualyiv-ukrajini-problema-velykoji-polityky-za-materialamy-seminaru-monitorynh-i-zahystprav-homoseksualyiv-ukrajini> [= Говорухіна 2007]
- Gribanov, A., Danilevich, T., Zhylovet, Y., Kasianczuk, M., Kravchuk, A., Leshchinsky, Y., Maimulakhin, A., Yudin, V. (2000). *Blue book. The situation of gays and lesbians in Ukraine. Report.* [In Russian]. Kyiv: "Nash Mir" Center. [= Грибанов 2000]
- Kasianczuk, M. (2010). *Main characteristics of clients of the "Network" and "Our World Against HIV/AIDS" projects.* Collection of materials of "Nash Mir" Center. [In Russian]. Kyiv. [= Касянчук 2010]
- Kasianczuk, M., Korzhov, G., Varban, M. (2014). *At home Among Strangers. Bisexual men and their partners in Ukraine. Scientific research report.* Donetsk: ICF International HIV / AIDS Alliance in Ukraine, NGO "Donbass-Social Project, Interregional Center for LGBT Studies". [= Касянчук 2014]
- Kasianczuk, M., Trofymenko, O., Bilous, E., Sazonova, Y. (2017). *Monitoring of behavior and distribution of HIV infection among MSM (national part).* [In Ukrainian]. Kyiv: ICF Public Health Alliance. [= Касянчук 2017]

Kasianczuk, M., Saluk, T., Trofimenko, O. (2011). *Analytical report on the results of the project "Linked research among MSM by the RDS method in Mykolaiv city"*. [In Russian]. Kyiv: Center of social expertises, Mykolaiv Gay and Lesbians Association "LiGA". [= Касянчук 2011]

Klyapets, O. (2014). Discrimination against alternative forms of family construction in modern Ukrainian society. [In Ukrainian]. *Psychological Sciences: Problems and Achievements*, 6, 75–90. [=Кляпець 2014]

Kocharian, G. (2014). *Forced homosexuality – a modern destructive tendency of sexual education*. [In Russian]. In: *Urology, Andrology, Nephrology 2014: Materials of a Scientific and Practical Conference* (pp. 100–103). Kharkiv. [= Кочарян 2014]

Legal Encyclopedia (2003). *Legal Encyclopedia in 6 Vols*. Vol. 5. P–S. [In Ukrainian]. Kyiv: M. P. Bazhan "Ukrainian Encyclopedia". [= Юридична енциклопедія 2003]

LGBT Families (2012). *LGBT Families in Ukraine: Social Practices and Legislation* / Ed. by G. Yarmanova. [In Ukrainian]. Kyiv. [= ЛГБТ-сім'ї 2012]

Maimulakhin, A., Kasianczuk, M., Leshchynskii, E. (2009). *Same-Sex Partnership in Ukraine: Research Report*. [In Russian]. Kyiv: Center "Nash Mir", "Donbass-Social Project". [= Маймулахин 2009]

Malakhova, Zh. (2020). *Negative phenomena in the families of modern Ukraine*. [In Russian]. *Habitus*, 11, 48–55. [= Малахова 2020]

Markova, M., Gabrel, R. (2012). Methodological aspects of the study of the life of same-sex partners. [In Ukrainian]. *Men's Health*, 2, 141–143. [= Маркова 2012]

Martseniuk, T. (2012). LGBT Families in Ukraine: Reproducing of Patriarchy or Alternative of Power Discourse? [In Ukrainian]. *Scientific Notes of NaUKMA, Sociological Sciences*, 135, 50–58. [Марценюк = 2012]

Martseniuk, T., Kolesnik, V. (2016). Factors involving parents of homosexual children to the LGBT movement in Ukraine. [In Ukrainian]. *NaUKMA Scientific Notes. Sociological Sciences*, 187, 67–75. Retrieved from:

http://nbuv.gov.ua/UJRN/NaUKMA_s_2016_187_11 [= Марценюк 2016]

МОН (1996). *On providing medical assistance to persons in need of sex-reassignment surgery*. Ministry of Health of Ukraine Order No. 57 dated 15.03.1996. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0279-96> [= МОЗ 1996]

МОН (1998). *On the transition of Ukrainian health authorities and institutions to the International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems, Tenth revision*. [In Ukrainian]. Ministry of Health of Ukraine, Order No. 297 dated 8 October 1998. Retrieved from: <http://mozdocs.kiev.ua/view.php?id=1443> [= МОЗ 1998]

МОН (2005). *The Procedure of Voluntary Counselling and Testing for HIV Infection (Protocol)*. Ministry of Health of Ukraine, Order No. 415 dated 19.08.2005. [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1404-05/page6> [= МОЗ 2005]

МОН (2011). *On improvement of provision of healthcare services to people who need change (correction) of gender identification*. Order of the Ministry of Health of Ukraine No. 60 dated 03.02.2011. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0239-11> [= МОЗ 2011]

МОН (2013). *On Approval of the Procedure of Assisted Reproductive Technologies Application*. Ministry of Health of Ukraine Order No. 787 dated 09.09.2013. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1697-13>

МОН (2016). *On establishing biomedical and psychosocial indications of change (correction) of sex and approval of the form of primary records and instructions for its completion*. Ministry of Health of Ukraine Order No. 1014 dated 5 October 2016. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1589-16> [= МОЗ 2016]

Sazonova, Y., Dukach, Y. (2019). *Report on the results of a bio-behavioral study of men practicing sex with men in Ukraine*. [In Ukrainian]. Kyiv: ICF Public Health Alliance. [= Сазонова 2019]

Shestakovsky, A., Kasianczuk, M. (2018). *Study of internalized homonegativity (internal homophobia). Analytical report*. [In Russian]. Tallinn: Eurasian Coalition for Men's Health (ECOM). [= Шестаковский 2018]

Sim'ya (1978). In: *Ukrainian dictionary. Dictionary in 11 vols.* (vol. 9). [In Ukrainian]. Kyiv: Naukova Dumka. [= Сім'я 1978]

Slyusar, L. (2017). Specifics of parenthood in different types of families: problems, risks and ways to minimize them. [In Ukrainian]. *Demography and the Social Economy*, 3, 24–36. [= Слюсар 2017]

Strategy (2019). *A strategy to address human rights and gender-related barriers to access HIV and tuberculosis prevention and treatment by 2030. Approved by decision of May 23, 2019. National Council on Tuberculosis and HIV / AIDS*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://bit.ly/38kK0B9> [= Стратегія 2019]

Stulova, A., Kasianczuk, M., Leshchynsky, E., Ostapenko, O. (2013). *Bio-behavioral and network research of MSM in Mariupol: report*. [In Russian]. Donetsk: LGBT Center “Donbass-Social Project”. [= Стулова 2013]

Shvedkova, O. (2017). *Social and legislative features of raising children in LGBT families in Ukraine. CF “Insha”, IX National Conference of LGBT Movement and MSM Service of Ukraine (2016). Report on the research supported by a grant from the National LGBT Conference*. [In Ukrainian]. Kyiv. [= Шведкова 2017]

Trofymenko, O., Privalov, Yu., Rokitska, O. (2012). *Evaluation of the implementation of pilot projects on the dissemination of femidoms (female condoms) among MSM. Operational study report (unpublished)*. [In Ukrainian]. Kyiv: ICF International HIV / AIDS Alliance in Ukraine. [= Трофименко 2012]

Tychyna, I., Marchuk, A. (2018). Features of family values of heterosexual people and people from the LGBT community. [In Ukrainian]. *Kherson State University Scientific Bulletin*, 1 (1), 203–208. [= Тичина 2018]

Bernstein, M., Naples, N.A., Harvey, B. (2016). The Meaning of Marriage to Same-Sex Families: Formal Partnership, Parenthood, Gender, and the Welfare State in International Perspective. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 23 (1), 3–39. Retrieved from: <https://doi.org/10.1093/sp/jxv002>

Cabinet of Ministers of Ukraine (CMU) (1993). *State program of transition to international system of accounting and statistics: Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine of May 4, 1993 № 326*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show> [= КМУ 2010]

Chernyak, K. (2016). Legalization of same-sex relationship and transformations in the social institute of family. *Science and Education: a New Dimension. Humanities and Social Sciences*, IV (13), 78–81.

Connell, R. W. (2005). *Masculinities*. Cambridge: Polity.

Family Models (2010). *Family Models: Transformations and Development Trends. Conference materials 25.09.2010*. [In Ukrainian]. Kharkiv: Kharkiv Women's Association “Sphere”. [= Моделі сім'ї 2010]

Martsenyuk, T. (2013). *Gender Roles in LGBT Families in Ukraine: Idealization and Reproduction of Heteronormativity*. S.l.

Overview (2020). *Review of positive legislative developments in Ukraine regarding MSM / LGBT as of January 2020. Prepared by the Expert Group on Health and Rights of Gays and Other MSM in Ukraine (EGHP-Ukraine #EGHR-UA) in cooperation with the National MSM Consortium #MSM_PRO with the resource support of the International Charitable Foundation “Public Health Alliance” (responsible national expert – Andriy Chernyshev)*. Edited as of 30.01.2020. [In Ukrainian]. Retrieved from: www.fb.com/970886006660754 [= Огляд 2020]

Postnov, O., Kasianczuk, M., Neduzhko, O., Gerasimenko, T., Sazonova, O., Kiriazova, T., Shvab, I., Yorick, R. (2016). MSM community mobilization for HIV prevention in Ukraine:

the effectiveness of Mpowerment behavioral intervention. *Abstract Book: 21st International AIDS Conference, July 18–22. Durban.*

Quinlan, M., Donlon, S., McCartney, D., Mozalevskis, A., Shmykova, E., Kloka, M., Sekuler, T., Schmidt, A. J., Marcus, U. (2011). The European MSM Internet Survey (EMIS). Community Report 2.eu. Gay Men's Health Service (GMHS), HSE, Ireland. S.I. Retrieved from: <http://www.emis-project.eu/community-2.html>

Sharygina, A. (2009). *Gender transformations of the nuclear model of the family. Lesbian and gay partnerships. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Gender Transformations in Ukraine: Understanding Strategy and Tactics"*. [In Russian]. Khar'kiv: Raider. [= Шарыгина 2009]

Shestakovsky, O., Trofimenko, O., Voznesensky, M., Kasyanchuk, M. (2016). *Post-revolutionary Ukraine: tolerance or bias to the right: a scientific report on research*. [In Ukrainian]. Kyiv: LGBT Center "Donbas-SotsProekt". [= Шестаковський 2016]

Smith, T.W. (2011). *Cross-national differences in attitudes towards homosexuality*. Retrieved from: <https://escholarship.org/uc/item/81m7x7kb>

Van Der Star, A., Врџнџтџн, R. (2015). Acceptance of sexual minorities, discrimination, social capital and health and well-being: a cross-European study among members of same-sex and opposite-sex couples. *BMC public health*, 15 (1), 812.

Verbitskaya, N., П'инська, I., Zinchenkov, A., Herman, Y., Kasianczuk, M., Naumenko, S. (2016). [In Russian]. *Civil partnerships: legal, psychological and medical aspects of same-sex couples life in Ukraine*. Kyiv. [= Вербицкая 2016]

Zinchenkov, O., Kasianczuk, M., Kravchuk, A., Maimulakhin, A., Ostapenko, O., Sheremet, S. (2011). *A Step Forward, Two Backwards: The Status of LGBT People in Ukraine 2010–2011*. [In Ukrainian]. Kyiv: The Council of LGBT Organizations of Ukraine, "Nash Mir" Center, LGBT Center "Donbass-Social Project". [= Зінченко 2011]

Zinchenkov, O., Kasianczuk, M., Ponomaryov, S., Trofymenko, O., Sheremet, S. (2011). *Monitoring human rights violations in the context of MSM access to basic HIV/AIDS prevention, treatment, care and support services*. [In Ukrainian]. Kyiv. [= Зінченко 2011]

Received 08.04.2020

МАКСИМ КАСЯНЧУК, СВЯТОСЛАВ ШЕРЕМЕТ, ОЛЕСЯ ТРОФИМЕНКО

Стан одностатевих партнерств в Україні

Пропонована стаття має на меті узагальнити доступні кількісні та якісні дані про одностатеві партнерства в Україні, включно з даними про наявність дітей у таких партнерствах, у ретроспективі останніх двадцяти років (1999–2018). Зростання кількості англомовних публікацій про різноманітні аспекти існування одностатевих пар демонструє актуальність тематики. Наявна в Україні інформація є найбільш багатогою у зіставленні з іншими пострадянськими країнами регіону Центральної та Східної Європи й Центральної Азії. Разом із тим ЛГБТ-сім'ї залишаються поза увагою академічної спільноти в Україні, а зібрані дані здебільшого містяться у так званій сірій літературі (звіти про дослідження, проведені переважно силами об'єднань громадян) і не введені в науковий обіг. Показано, що залежно від композиції вибірки та прийнятого дослідниками визначення одностатевого партнерства цей відсоток найчастіше потрапляє в інтервал 16–28% опитаних гомо- та бісексуальних чоловіків, що мешкають у столиці та обласних центрах України. Кількісна інформація про жіночі партнерства є вкрай обмеженою (одне опитування на невеликій вибірці, побудований у випадковий спосіб), а якщо в такому партнерстві один чи обидва партнери є трансгендерними особами, то кількісних даних взагалі немає. Кількісна інформація про дітей в одностатевих партнерствах також є дуже обмеженою, а отримані в розглядуваній літературі (з усіма її зазначеними методо-

логічними недоліками) дані коливаються від 14% до 29% ЛГБТ, що мають дітей, але невідомо, чи виховували цих дітей саме одностатеві пари.

Стосовно якісної інформації ситуація інша — більше відомо про стан жіночих і, почасти, трансгендерних партнерств (включно з питанням про дітей в таких сім'ях), ніж про чоловічі пари. Окремі дані демонструють значну подібність структури одностатевих партнерств до типової моделі гетеросексуальної міської нуклеарної сім'ї (два партнери та їхні діти) з поправками на більшу егалітарність подружніх ролей, брак офіційного статусу та пов'язані з цим соціально-економічні ризики. Подальші розвідки (в тому числі національного рівня) мають спиратися на загальне розуміння того, що таке “одностатеве партнерство”, які ознаки роблять одностатеві стосунки саме “партнерством” (цивільним, сімейним), які ознаки роблять цивільне партнерство “сім'єю” тощо.

Ключові слова: нуклеарна сім'я, метааналіз, ЛГБТ, громадянські партнерства, Україна

МАКСИМ КАСЯНЧУК, СВЯТОСЛАВ ШЕРЕМЕТ, ОЛЕСЯ ТРОФИМЕНКО

Состояние однополых партнерств в Украине

Предлагаемая статья имеет целью обобщить доступные количественные и качественные данные об однополых партнерствах в Украине, включая данные о наличии детей в таких партнерствах, в ретроспективе последних двадцати лет (1999–2018). Рост количества англоязычных публикаций о различных аспектах существования однополых пар демонстрирует актуальность тематики. Имеющаяся в Украине информация является наиболее богатой в сравнении с другими постсоветскими странами региона Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. Вместе с тем ЛГБТ-семьи остаются вне поля зрения академического сообщества в Украине, а собранные данные в основном содержатся в так называемой серой литературе (отчеты об исследованиях, проведенных в основном силами объединений граждан) и не введены в научный оборот. Показано, что в зависимости от композиции выборки и принятого исследователями определения однополых партнерств этот процент чаще всего попадает в интервал 16–28% опрошенных гомо- и бисексуальных мужчин, проживающих в столице и областных центрах Украины. Количественная информация о женских партнерствах крайне ограничена (один опрос на небольшой выборке, построенной неслучайным образом), а если в таком партнерстве один или оба партнера являются трансгендерными лицами, то количественных данных вообще нет. Количественная информация о детях в однополых партнерствах также очень ограничена, а полученные в рассматриваемой литературе (со всеми ее отмеченными методологическими недостатками) данные колеблются от 14% до 29% ЛГБТ, которые имеют детей, но неизвестно, воспитывались ли эти дети именно однополыми парами.

Относительно качественной информации ситуация другая — больше известно о женских и, отчасти, трансгендерных партнерствах (включая вопросы о детях в таких семьях), чем о мужских парах. Отдельные данные демонстрируют значительное сходство структуры однополых партнерств с типичной моделью гетеросексуальной городской нуклеарной семьи (два партнера и их дети) с поправками на большую эгалитарность супружеских ролей, отсутствие официального статуса и связанные с этим социально-экономические риски. Дальнейшие исследования (в том числе национального уровня) должны опираться на общее понимание того, что такое “однополые партнерство”, какие признаки делают однополые отношения именно “партнерством” (гражданским, семейным), какие признаки делают гражданское партнерство “семьей” и др.

Ключевые слова: нуклеарная семья, метааналіз, ЛГБТ, гражданские партнерства, Украина

MAKSYM KASIANCZUK, SVIATOSLAV SHEREMET,
OLEZIA TROFYMENKO

Status of same-sex partnerships in Ukraine

The proposed article aims to summarize available quantitative and qualitative data on same-sex partnerships in Ukraine, including data on the presence of children in such partnerships, over the last twenty years (1999–2018). The increasing number of publications on various aspects of the existence of same-sex couples in English demonstrates the relevance of the topic. The information available in Ukraine is the richest in comparison with other post-Soviet countries of the Central and Eastern Europe and Central Asia region. At the same time, LGBT families remain out of the academic community in Ukraine, and the data collected are mostly contained in the so-called “gray literature” (mainly research reports by public organizations), and are not introduced into scientific circulation. It is shown that, depending on the composition of the sample and the definition of same-sex partnership used by the researchers, this percentage most often falls within the range of 16–28% of surveyed homosexual and bisexual men residing in the capital and regional centers of Ukraine. Quantitative information on women partnerships is extremely limited (one survey of a small sample), and there is no quantitative data for the couples, where one or both partners are transgenders. Quantitative information on children in same-sex partnerships is also very limited, and the data in the literature (with all the methodological disadvantages indicated) ranges from 14% to 29% of LGB, which have children, but it is unknown whether these children were raised in same-sex couples.

With regard to quality information, the situation is different — a little bit more is known about the status of women and partly transgender partnerships (including the issue of children in such families) than about male couples. Separate data demonstrates a significant similarity in the same-sex partnership structure to the typical heterosexual egalitarian family model (two partners and their children), taking into account more egalitarian marriage roles, lack of formal status, and associated socio-economic risks. Further research (including national level) should be based on a common understanding of what constitutes “same-sex partnership”, what are the characteristics of same-sex partnership (civil, family), what characteristics of civil partnership turn it into a “family”, etc.

Keywords: nuclear family, meta-analysis, LGBT, civil partnerships, Ukraine